

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

3. Багрицкого, С. Дивинова, М. Коцькова, В. Лидина, А. Селивановского, Н. Сельвинского, М. Губецкого, М. Серебрянского, Е. Успенский.

ЦЕНА 20 коп.

11
АВГУСТА
1933
37 (265)

Ускорить перестройку музыкального фронта

Музыкальный участок художественного фронта в настоящее время привлекает к себе большое внимание советской общественности.

Происходивший в мае этого года всесезонный конкурс исполнителей (фортепиано, скрипка, виолончель, пение) с особенной наглядностью подчеркнул, что в области искусства музыкального исполнения мы можем гордиться замечательными художественными кадрами.

К сожалению, до последнего времени меньше внимания уделялось основному, ведущему отряду музыкального фронта — советским композиторам.

Выявление достижений работы советских композиторов, сдвигов, происходящих в их творчестве, было до крайности затруднено деятельности ликвидированной РАПМ, руководство которой извращало политическую линию в области музыки, не способствовало перестройке советских композиторов, занималось администрированием вместо творческого соревнования, до крайности вульгаризировало марксизм в музыке.

Постановление ЦК от 23 апреля изменило исключительный подъем среди композиторов и музыкальных деятелей (страница, однако, что бывшие руководители РАПМ не нашли времени подвергнуть свою ошибку критике и предпочитают отмальчивать).

Несомненно огромный творческий подъем в композиторской среде, уже давший значительные количества крупных музыкальных полотен симфоний, опер и пр. Далее мы видим устремление внимания советских композиторов именно к социальной тематике, стремление к выражению в своем творчестве героики и лирики нашего социалистического строительства. Неслучайно в этом же плане пробудился огромный интерес композиторов к музыкально-тематическому материалу наших национальностей.

Но композиторы, как показал этот год, устремились не только к советской тематике, — они напрямленно ищут и нового музыкального языка, который должен быть средством выражения новых идей и эмоций. (Далеко не всегда и не во всем эти поиски удачны).

Сложность музыкального искусства, успехи советской музыки за последние годы (достаточно перечислить хотя бы основные произведения советских композиторов, появившиеся после 23 апреля 1932 года: «Московский «11-я и 12-я симфонии», Шебалин — поэма «Лермонтов», Книппер — «Я-Я» Дальновосточные симфонии, Половинки — «Красноармейская симфония», Стародакомский — опера «Соль», Белый — «Голодный поход», Шехтер — «Туркменская сюита», Давыденко — «Чеченская сюита», Шостакович — опера «Леди Макбет Мценского уезда», Шапорин — симфония «Живот» — пессимо-симфонический цикл «Зад», леваков вульгаризаторство, недопустимое заезжательство ряда руководителей РАПМ в прошлом обзывают руководство союза советских композиторов и музыкальных журналов с особенной четкой и глубокой работой.

И. АНИСИМОВ

«Смерть одного мира»

Художественное произведение, в котором отражено то новое, чем обогатилось творчество Ромэн Роллан на революционном пути, естественно приковывает к себе внимание. С волнением перелистываешь страницы этой мудрой и трагической книги.

«Смерть одного мира» является продолжением цикла романов «Она-рованная душа», прерванного в 1926 году. Но это не простое продолжение, а огромный скачок вперед. В новом романе сконцентрирован опыт борьбы последних лет, что возвышает его над уровнем всего цикла, как бы значительны и ярки ни были его ранние звенья. Великолепно раскрылся талант художника, оплодотворенный революцией. Ромэн Роллан написал одно из самых жгучих, проникновенных и глубоких произведений своих.

«Смерть одного мира» представляет трилогию, развертывающуюся между собой темы. Первая часть — «Семеро против Фини» — показывает буржуазную молодость послевоенной эпохи. 1918 год. «Первые месяцы Победы-Поражения». «Безразличная тропа университета», который «годы войны сделали верным холопом власти». Затхлая наука, скрывающая усилия присяжных вражд и обманчиков правду о действительности, о войне и революции. Профессора, «грызущиеся из-за ошейников». Лайкская «мудрость» учителей, как «разум порабощен государством и дряхлой риторикой». Увлечение «сладкими отбросами» буржуазной литературы. Тусклое горение мещанского идеализма. Увлечение Вильсоном, которого приятели за пророка, несущего обновление.

«Из двух враждующих кумиров — Вильсона и Клемана — хлынули из первого опиши, из второго — кровь, чужая кровь. Лжец обернулся полицейским, а от простодушного профессора американской морали и его 14 условий — ничего не осталось»...

Роллан показывает хаос в мыслях поколения, впитавшего «свесь

то, что фабрикует общество для отравы «молодежи», бесплодие,

внутреннюю опустошенность этого поколения. Среда, зараженная ужасом отчаяния, утверждавшаяся из самого начала, утверждавшаяся как живое, свежее, дерзкое — гигантская машина для выработки «ძель-

ской». Вступает в жизнь новое поколение буржуазии — поколение Запада, которое становится на сторону революции. Путь Марка еще не завершен. Он будет продолжаться, но уже очевидна его противоположность всей ее мерзости, то есть почтыванию рабочего класса, но это стихийное возмущение, идущее изнутри протест, подчеркивает накаленность.

Марк обреченный и бесплодный, потому что Бушар не опирается на единственный силу, противостоящую всей мерзости, то есть почтыванию рабочего класса, но это стихийное возмущение, идущее изнутри протест, подчеркивает накаленность.

...Я говорю только о зрительном впечатлении. Синхронизация звука и образа не была вполне налажена во время устроенного для меня показа. Все же она дала мне возможность понять весь эффект, который Пудовкин извлек в этой картине приспособлением звука к свету. Он осуществил настоящее переложение на музыку. Он сумел использовать голоса и в особенностях шумы и приспособить их к развитию зрительной драмы, дав этой последней значительную широту и углубленность.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

АНРИ БАРБЮС В МОСКВЕ

5 августа Анри Барбюс посетил Московский аэропорт, где осматривал самолеты эскадрильи им. М. Горького и участвовал в поезде в АНТ-14.

На снимке: Анри Барбюс с т. Стецким и Зарзаром — у самолета «Правда»

О ФИЛЬМЕ ПУДОВКИНА «ДЕЗЕРТИР»

Анри Барбюс, находящийся сейчас в Союзе, посетил кинофабрику Межрабпомфильм. Новая картина В. Пудовкина «Дезертир», которая была ему показана, произвела на него сильное впечатление. После просмотра Анри Барбюс написал небольшой отзыв, выражавший его мнение об этом фильме.

— «Дезертир» — большой фильм, произведение большого размаха, демонстрация которого меня глубоко взволновала и восхитила. Сам Пудовкин до сих пор еще не создал ничего более мощного, более захватывающего, более насыщенного социальным и общечеловеческим содержанием.

Умелым сочетанием, на которое способен только большой артист художественного синтеза и реализма, который ставит вас лицом к лицу с конкретной жизнью, — он показал гнев и возмущение рабочего класса, угнетаемого в капиталистических классах.

он двинулася вперед. Как ни странен был обличающий пафос «Жана-Кристофа», он все же был созерцателем. В нем не было той жгучей ненависти, которой переполнена до краев новая вещь Роллана, не было в «Кристофе» и той супорядочной беспощадности, которая отличала его книгу извращением звука к свету. Он осуществил настоящее переложение на музыку. Он сумел использовать голоса и в особенностях шумы и приспособить их к развитию зрительной драмы, дав этой последней значительную широту и углубленность.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

АНРИ БАРБЮС.

...Я говорю только о зрительном впечатлении. Синхронизация звука и образа не была вполне налажена во время устроенного для меня показа. Все же она дала мне возможность понять весь эффект, который Пудовкин извлек в этой картине приспособлением звука к свету. Он осуществил настоящее переложение на музыку. Он сумел использовать голоса и в особенностях шумы и приспособить их к развитию зрительной драмы, дав этой последней значительную широту и углубленность.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

...Я от всей души аплодирую независимому художественному победе и новым завоеваниям, которые талант Пудовкина, принадлежащего к авангарду советских кинематографистов, одержал на пользу советскому кинематографическому искусству, которое в свою очередь само является авангардом кинематографического искусства всего мира.

Книга реакции и безнадежности

Новый роман Кнута Гамсун «Август» неслучайно привлек к себе внимание широкой общественности — в нем собраны и отражены типичные черты культуры современного капитализма, капитализма эпохи его исторического заката, его сумерек; в нем отчетливо запечатлен знаменательный поворот буржуазной интеллигенции капиталистических стран — назад к прошлому.

Сопоставление гамсуновского «Августа» с нашими произведениями о деревне — такими, как «Поднятая целина» М. Шолохова, «Разбег» В. Ставского, «Ненависть» И. Шухова и особенно «Бруски» Ф. Панферова — мы можем проследить содержание и смысл двух процессов ломки деревни — в условиях капитализма и социализма.

В гамсуновском романе небольшая заброшенная деревушка Полен процветает. Был хороший ход сельди и, следовательно, были веселы и радостны люди, боякошли для себя единственный поленской лавочники, кругом росли — благоустройство, счастье и мир. Шла сельняк! Прекрасна поленская природа! Мирны простые, незадуманные поленские люди с их идеалистическими отношениями! Но вот в Полене появляется «злой дух капиталистического прогресса, носящий капиталистическую культуру и индустриализацию — Август». Он поразительно ловок, честолюбив, предпринимчив и находчив, он присоединяет массу новых идей в заброшенной, отсталой Полене.

Он организует в Полене почту — пусть поленцы переписываются со всем миром! Он организует банк — пусть поленцы получают проценты и богатеют! Он предпринимает открытие аптеки — пусть поленцы культурно борются с болезнями! Он предпринимает организацию фабрик, предпринимает на ходу, он присоединяет табачные пластики, он насаждает табачные планты. Август — неутомим. Поленцы крахнут, но все же изнутри изнутри, хотя и сопротивляясь. И Август не знает отдыха — он зовет поленцев «ити в ногу со временем» по буржуазно-капиталистическому пути. Короткий миг подъема — и Полен быстро катится вниз.

Превращение старой полупатриархальной деревушки в капиталистический город принесло нужды, зародившиеся миры посыпались. Люди стали обворовывать и обманывать друг друга.

Что может слезать человек, — проповедует Гамсун, — если все стихия, если власть — природа? Сельда не пошла, и сколько бы ни старалась Август, все идет прахом. Август застроил поля и луга — и не стало в Полене хлеба. Сельда изменила свой ход — и люди впали в отчаяние — у многих ушли не было ни крупы мук, ни одной картофелины, все стали обладателями единственного «благословия» — Гамсун породил их — «крылья» капиталистического насилия в деревне — Августа и рабочего Эльварта. Пусть они во всем прогревают, пусть на дне их социальные интересы непримиримы — Гамсун породил их, ибо они оба чудаки и просты от отчаяния, — и Гамсун породил их — «крылья» капиталистического насилия в деревне — Августа и рабочего Эльварта.

И Гамсун породил их — нужно утратить видение, чутку, чувствование подлинной жизни для этого — Гамсун породил их — «крылья» капиталистического насилия в деревне — Августа и рабочего Эльварта. Пусть они во всем прогревают, пусть на дне их социальных интересов непримиримы — Гамсун породил их, ибо они оба чудаки и просты от отчаяния, — и Гамсун породил их — «крылья» капиталистического насилия в деревне — Августа и рабочего Эльварта.

Гамсун разбогател — и это через вычайно характерно для современной буржуазной интеллигенции — полную рабской зависимости человека от стальных, стихийных сил природы.

Так бесславно заканчивается нищета человека своей исторической путь крунейшего буржуазного искусства. Ты, человек, ничего не сможешь сделать, чего не захотят природы; подчинись ее силе и не будешь бунтовать. Ты — обречен, даже если вся земля будет захвачена людьми кипучей деятельности. Сельда захочет — и ты будешь съест, весел, одет; не захочет — она уйдет в другую сторону — и ты будешь голоцен, гол, мрачен. Август, ты будешь и трудишься, — и не станет мирно это его не касалось; — кулак Эзра, начавший свой жизненный путь им с чаем и ставшего влиятельнейшим человеком.

И вот Гамсун настолько увлечен этим «чудным», «светским» образом кулака Эзра, что он не замечает всей губительной для искусства внутренней лжи и фальши созданного образа, — Гамсун приносит в жертву своим «идеалам» возвратившуюся к своему прошлому, кулака Эзра, начавшего свой жизненный путь им с чаем и ставшего влиятельнейшим человеком.

И вот Гамсун настолько увлечен этим «чудным», «светским» образом кулака Эзра, что он не замечает всей губительной для искусства внутренней лжи и фальши созданного образа, — Гамсун приносит в жертву своим «идеалам» возвратившуюся к своему прошлому, кулака Эзра, начавшего свой жизненный путь им с чаем и ставшего влиятельнейшим человеком.

Онкаро единственный ли это опа-

стичность? И. Разин («Октябрь», № 5) обединяет в одну группу «подверженных» литераторов А. Митрофанова, Ф. Гладкова, Н. Зарудина и Сергеева-Ценского. При этом литераторы «характеризуют» творчество первых трех писателей, а у последнего лишь «дает себя очень сильно чувствовать». Такая уравнительность оставляет в стороне классовую природу творчества.

В оны дни В. Воровский, рассказывающий С. Сергеева-Ценского на обложке журнала, не вправе выделить зависимость этого писателя от формы, невыполнимую претензию его раннего стиля. Но невозможно сейчас ставить на одну лодку автора «Цемент» и «Энергии» и писателя, неспособного хотя бы в частности, в небольшом, правильно отобразить смысл и содержание нашей революционной природы творчества.

В очередной книжке «Нового мира» помещена повесть С. Сергеева-Ценского «Львы и солнце». В ней нет сколько-нибудь режущей глаза крамы писателя «реалистична». Но

опасность литературы, цеховой замкнутости, жильцами гениальными, унаследованными от дан разогревающей горячии с обостренным собственническим чувством. Вспыхивает Февральская революция. Перед Поленовым не думается символизма не стесняясь ложью, вымысливая Рябиновского, опасность искусства показано иди — он видит бунтующую массу, подмененного усердно отмечается на столбах наших журналов.

Характерно в этом смысле страстное выступление И. Катаева («Октябрь», № 6), требующее искусства «свесившегося», воинствующего высмеивающего художественный способом: «Холодное щегольство фразой, ловки, но мелким афоризмом, эффектной метафорой... формальное новаторство ради новаторства».

Однако единственная ли это опасность? И. Разин («Октябрь», № 5) обединяет в одну группу «подверженных» литераторов А. Митрофанова, Ф. Гладкова, Н. Зарудина и Сергеева-Ценского. При этом литераторы «характеризуют» творчество первых трех писателей, а у последнего лишь «дает себя очень сильно чувствовать». Такая уравнительность оставляет в стороне классовую природу творчества.

В оны дни В. Воровский, рассказывающий С. Сергеева-Ценского на обложке журнала, не вправе выделить зависимость этого писателя от формы, невыполнимую претензию его раннего стиля. Но невозможно сейчас ставить на одну лодку автора «Цемент» и «Энергии» и писателя, неспособного хотя бы в частности, в небольшом, правильно отобразить смысл и содержание нашей революционной

природы творчества.

В очередной книжке «Нового мира» помещена повесть С. Сергеева-Ценского «Львы и солнце». В ней нет сколько-нибудь режущей глаза крамы писателя «реалистична». Но

БРИГАДА МОРП В ДОНБАССЕ

Бригада Международного об'єднання революціонних писателей в складі Леона Муссінського, Ліннера Лайценса, Емі Сю і А. Барта працює в Донбасі. Писательська бригада оказує помічник в літературній та науковій праці на початку 1930-х років.

«СОЛНЕЧНАЯ» К. ЧУКОВСКОГО

Нельзя было придумать более неподходящее название для этой книжки. «Солнечная» вся пропитаана жизнерадостностью, бодростью, спешкой.

Но бодрое веселое настроение немыслимо для детей без движений. Это покажется парадоксом, если вспомнить, что темой «Солнечной» является жизнь больных костных туберкулезом детей в санатории, но у Чуковского эти больные дети не превращаются в терпеливых, покорных страдальцев, а остаются прежде всего настоящими живыми детьми.

Автору прекрасно удалось показать этот прикованный к койкам коллектива и ярко очертить отдельные личности детей в педагогов.

Жизнерадостность «Солнечной» в значительной степени объясняется тем, что в ней даны живые подлин-

ные детям и наживе. Кулак Эзра у Гамсуну равнодушен к деньгам, он никого не эксплуатирует, он безвозмездно раздает бедствующим в нужде поленским хлеб и картофель, он благотворствует беднякам, этот кулак Эзра, этот единственный и неповторимый на всем земном шаре кулак!

Гамсун в поисках правды жизни, перед лицом кризиса гниения капиталистического мира, испуганный этим кризисом и гниением, зовет на зал «долой мертвые машины, долой индустрию» — и находит свой идеал в тихой, мирной полупатриархальной деревушке.

Так завершает свой исторический «жизненный путь» буржуазная литература: дикой, реакционной пропагандой патриархальности, опровергая, возвратив к власти стихий и единения, — уходя из Полена. Август передает все свое дела Эльварту — капиталиста и пролетариата против мирного крестьянства!

Гамсун разбогател — и это через вычайно характерно для современной буржуазной интеллигенции — полную рабской зависимости человека от стальных, стихийных сил природы.

Так бесславно заканчивается нищета человека своей исторической путь крунейшего буржуазного искусства. Ты, человек, ничего не сможешь сделать, чего не захотят природы; подчинись ее силе и не будешь бунтовать. Ты — обречен, даже если вся земля будет захвачена людьми кипучей деятельности. Сельда захочет — и ты будешь съест, весел, одет; не захочет — она уйдет в другую сторону — и ты будешь голоцен, гол, мрачен. Август, ты будешь и трудишься, — и не станет мирно это его не касалось; — кулак Эзра, начавший свой жизненный путь им с чаем и ставшего влиятельнейшим человеком.

И вот Гамсун настолько увлечен этим «чудным», «светским» образом кулака Эзра, что он не замечает всей губительной для искусства внутренней лжи и фальши созданного образа, — Гамсун приносит в жертву своим «идеалам» возвратившуюся к своему прошлому, кулака Эзра, начавшего свой жизненный путь им с чаем и ставшего влиятельнейшим человеком.

Онкаро единственный ли это опа-

стичность? И. Разин («Октябрь», № 5) обединяет в одну группу «подверженных» литераторов А. Митрофанова, Ф. Гладкова, Н. Зарудина и Сергеева-Ценского. При этом литераторы «характеризуют» творчество первых трех писателей, а у последнего лишь «дает себя очень сильно чувствовать». Такая уравнительность оставляет в стороне классовую природу творчества.

В оны дни В. Воровский, рассказывающий С. Сергеева-Ценского на обложке журнала, не вправе выделить зависимость этого писателя от формы, невыполнимую претензию его раннего стиля. Но

опасность литературы, цеховой замкнутости, жильцами гениальными, унаследованными от дан разогревающей горячии с обостренным собственническим чувством. Вспыхивает Февральская революция. Перед Поленовым не думается символизма не стесняясь ложью, вымысливая Рябиновского, опасность искусства показано иди — он видит бунтующую массу, подмененного усердно отмечается на столбах наших журналов.

Характерно в этом смысле страстное выступление И. Катаева («Октябрь», № 6), требующее искусства «свесившегося», воинствующего высмеивающего художественный способом: «Холодное щегольство фразой, ловки, но мелким афоризмом, эффектной метафорой... формальное новаторство ради новаторства».

Однако единственная ли это опасность? И. Разин («Октябрь», № 5) обединяет в одну группу «подверженных» литераторов А. Митрофанова, Ф. Гладкова, Н. Зарудина и Сергеева-Ценского. При этом литераторы «характеризуют» творчество первых трех писателей, а у последнего лишь «дает себя очень сильно чувствовать». Такая уравнительность оставляет в стороне классовую природу творчества.

В оны дни В. Воровский, рассказывающий С. Сергеева-Ценского на обложке журнала, не вправе выделить зависимость этого писателя от формы, невыполнимую претензию его раннего стиля. Но

опасность литературы, цеховой замкнутости, жильцами гениальными, унаследованными от дан разогревающей горячии с обостренным собственническим чувством. Вспыхивает Февральская революция. Перед Поленовым не думается символизма не стесняясь ложью, вымысливая Рябиновского, опасность искусства показано иди — он видит бунтующую массу, подмененного усердно отмечается на столбах наших журналов.

Характерно в этом смысле страстное выступление И. Катаева («Октябрь», № 6), требующее искусства «свесившегося», воинствующего высмеивающего художественный способом: «Холодное щегольство фразой, ловки, но мелким афоризмом, эффектной метафорой... формальное новаторство ради новаторства».

Однако единственная ли это опасность? И. Разин («Октябрь», № 5) обединяет в одну группу «подверженных» литераторов А. Митрофанова, Ф. Гладкова, Н. Зарудина и Сергеева-Ценского. При этом литераторы «характеризуют» творчество первых трех писателей, а у последнего лишь «дает себя очень сильно чувствовать». Такая уравнительность оставляет в стороне классовую природу творчества.

В оны дни В. Воровский, рассказывающий С. Сергеева-Ценского на обложке журнала, не вправе выделить зависимость этого писателя от формы, невыполнимую претензию его раннего стиля. Но

опасность литературы, цеховой замкнутости, жильцами гениальными, унаследованными от дан разогревающей горячии с обостренным собственническим чувством. Вспыхивает Февральская революция. Перед Поленовым не думается символизма не стесняясь ложью, вымысливая Рябиновского, опасность искусства показано иди — он видит бунтующую массу, подмененного усердно отмечается на столбах наших журналов.

Характерно в этом смысле страстное выступление И. Катаева («Октябрь», № 6), требующее искусства «свесившегося», воинствующего высмеивающего художественный способом: «Холодное щегольство фразой, ловки, но мелким афоризмом, эффектной метафорой... формальное новаторство ради новаторства».

Однако единственная ли это опасность? И. Разин («Октябрь», № 5) обединяет в одну группу «подверженных» литераторов А. Митрофанова, Ф. Гладкова, Н. Зарудина и Сергеева-Ценского. При этом литераторы «характеризуют» творчество первых трех писателей, а у последнего лишь «дает себя очень сильно чувствовать». Такая уравнительность оставляет в стороне классовую природу творчества.

В оны дни В. Воровский, рассказывающий С. Сергеева-Ценского на обложке журнала, не вправе выделить зависимость этого писателя от формы, невыполнимую претензию его раннего стиля. Но

опасность литературы, цеховой замкнутости, жильцами гениальными, унаследованными от дан разогревающей горячии с обостренным собственническим чувством. Вспыхивает Февральская революция. Перед Поленовым не думается символизма не стесняясь ложью, вымысливая Рябиновского, опасность искусства показано иди — он видит бунтующую массу, подмененного усердно отмечается на столбах наших журналов.

Характерно в этом смысле страстное выступление И. Катаева («Октябрь», № 6), требующее искусства «свесившегося», воинствующего высмеивающего художественный способом: «Холодное щегольство фразой, ловки, но мелким афоризмом, эффектной метафорой... формальное новаторство ради новаторства».

Однако единственная ли это опасность? И. Разин («Октябрь», № 5) обединяет в одну группу «подверженных» литераторов А. Митрофанова, Ф. Гладкова, Н. Зарудина и Сергеева-Ценского. При этом литераторы «характеризуют» творчество первых трех писателей, а у последнего лишь «дает себя очень сильно чувствовать». Такая уравнительность оставляет в стороне классовую природу творчества.

В оны дни В. Воровский, рассказывающий С. Сергеева-Ценского на обложке журнала, не вправе выделить зависимость этого писателя от формы, невыполнимую претензию его раннего стиля. Но

опасность литературы, цеховой замкнутости, жильцами гениальными, унаследованными от дан разогревающей горячии с обостренным собственническим чувством. Вспыхивает Февральская революция. Перед Поленовым не думается символизма не стесняясь ложью, вымысливая Рябиновского, опасность искусства показано иди — он видит бунтующую массу, подмененного усердно отмечается на столбах наших журналов.

Характерно в этом смысле страстное выступление И. Катаева («Октябрь», № 6), требующее искусства «свесившегося», воинствующего высмеивающего художественный способом: «Холодное щегольство фразой, ловки, но мелким афоризмом, эфф

Народное устное творчество — „материал о чаяниях и ожиданиях народных“

ЛЕНИН

Больше внимания народному творчеству

Живительная сила революции разбудила к творчеству широкие массы. Живопись и скульптура, как в этом легко убедиться хотя бы по рабочих и колхозных масс, но сколько-нибудь планомерная помощь и руководство этим творчеством, надо прямо сказать, у нас отсутствуют.

Нельзя не подчеркнуть того большого места, которое занимается в быту многих не только младописьменных, но и старописьменных народов (возьмем в пример народности Средней Азии или Кавказа) странствующими певцами-сказителями (узбекскими бакши, грузинскими, армянскими, азербайджанскими ашугами, якутскими олонхогутами) и т. п. представителями устного творчества.

Однако при общей характеристики послереволюционного искусства и литературы, при определении их истоков обычно делают один громкий пропуск — совершенно упускается из виду то поэтическое творчество, которое, не будучи закреплено на бумаге, играло и играет немалую роль в общем развитии художественной культуры. Речь идет об устном народном творчестве.

Значение этих произведений как художественных исторических документов было со всей остротой подчеркнуто еще Ладфаром, неоднократно указывавшим, что песни, сказания, легенды зачастую являются единственными источниками для воссоздания идеологии того или другого общества, особенно для первоначального его формации.

Нельзя не вспомнить и о том, какое большое значение придавал с этой точки зрения фольклору В. И. Ленин. «Когда однажды речь зашла об устно-поэтическом творчестве», — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич («На липоту», 1931 год, № 4), — «В. И. попросил, чтобы всем посмотреть некоторые сборники былин, песен и сказок. Его просьба была исполнена. «Какой интересный материал, — сказал он, когда я на утро вошел к нему. — Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что нехватает, очевидно, руки или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите, в сказках Ончукова, которые я просмотрел, ведь здесь есть замечательные места! Вот на что нам нужно обратить внимание наших историков литературы. Это подлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни».

Огромнейший интерес в сравнении с фольклорным материалом конца прошлого — начала ХХ века представляет устное народное творчество нашей революционной действительности. История гражданской войны найдет в нем (в песнях, легендах, сказаниях, устных рассказах, пословицах и поговорках) множество любопытнейших документов. Немало ценнего может оказать и для истории фабрик и заводов, не говоря уже об истории колхозов, союзах, МТС. Ведь каждый новый серьезный шаг в жизни завода, колхоза, нового участка социалистического строительства отмечен либо песней, либо частушкой, либо поговоркой, либо повествованием. Но приходится констатировать, что собирание этого ценнейшего для истории нашей великой эпохи художественного материала ведется в минимальных размерах.

Отсутствие внимания и руководства этой важнейшей работой со стороны наших государственных и общественных организаций привело и приводит часто к тому, что КЛАССОВЫЙ ВРАГ — прежде всего кулачество, нацидемократия — использует и использует устное песни, частушки, легенды, анекдоты, поговорки либо загадки в своих контреволюционных антисоветских целях. Правда, отпор, — передко

очень решительный, классово меткий и заостренный, — давался и дается в устных же произведениях рабочих и колхозных масс, но сколько-нибудь планомерная помощь и руководство этим творчеством, надо прямо сказать, у нас отсутствует.

Нельзя не подчеркнуть того большого места, которое занимается в быту многих не только младописьменных, но и старописьменных народов (возьмем в пример народности Средней Азии или Кавказа) странствующими певцами-сказителями (узбекскими бакши, грузинскими, армянскими, азербайджанскими ашугами, якутскими олонхогутами) и т. п. представителями устного творчества.

К чести некоторых, — к сожалению, немногимчисленных, научных организаций национальных республик (например, при содействии наркомпросов в УЗБЕКСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ, в ТАДЖИКСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ, в БРЮТО-МОНГОЛСКОЙ) эти песни систематически записаны, а сказители не только взяты на учет, но некоторым из них, наиболее выдающимися, оказана правительственная помощь (персональные пенсии, особое снабжение и т. д.). Но никак нельзя сказать, к сожалению, что наркомпросы БССР, УССР и РСФСР оказывают помощь, альбому такую же помощь и внимание, какими начали казаться неведомым необикновенным и чуть ли не загадочным...

Всем этим и в Сенче-олонхогуте — пусть он и председатель совета — я был настроен встретиться с седой традицией былинного слова.

Своим олонхо я получила от отца, — я иначе на мое поводу, — говорил Сенча, — олонхо передаются от отца к сыну, олонхогут был мой отец, олонхогут стал и я.

Когда я попыталась более подробно выяснить эту премиальность, он вдруг непримиримо как-то ответил:

— Мы, олонхогуты, не шаманы. Это у тех не по наследству, а вроде как по болезни какой.

— Только до старые олонхогуты скаживаются, Сенча, или счищаются и своим словом оступившись, случайно спросила я.

— Сочиня! — заметно ожидалась и как-то знающе усмехнулся старик. — Из жизни своего района сочиняя, да помните у меня уж обмылись люди.

— Почему обмыкались? — удивился я такому ответу.

Недоумение мои были рассеяны: Сенча — сатирик, наделенный драматизмом даже в образах деревьев и птиц создавать людей.

— Сам я сложил три олонхо, — говорил он, — первое — про то, как меня угнетали при царизме. Простой бедняк я был.

Второе — тоже из старой жизни бедного якута — о том, как его жена рожала в алассе² во время письма. Альбома его статью в «Прайде» в 1932 г.). Много раз подчеркивал ГОРЬКИЙ и воспитательную роль фольклора. Так, совсем недавно, в статье о детской литературе он вновь настаивал на издании ряда книг по фольклору для юношества...

Совершенно недопустимым следует признать почти полное игнорирование Наркомпросом и центральными научными учреждениями вопроса о подготовке научных кадров по изучению фольклора.

Внимание писательской общественности к фольклору может привести громадную пользу как самой художественной литературе, так и устному творчеству широких слоев пролетариата и колхозного крестьянства. Необходимо помнить, что это творчество живет и развивается, но никак нельзя оставлять его попрекнутое в беспризорном состоянии.

Устная поэзия должна стать предметом широкого общественного внимания и активного политического и художественного руководства!

1 Сказитель былин (автор).

2 Алас — северный таежный луг, чаще — это днище обсохшего озера.

Олонхогут Сенъча

43 ЯКУТСКИХ ЗАПИСОК

В селении Кутана спокойным утренним часом среди других покупателей, приехавших из наслегов, запросто вошел в лавку пушной фактории очень обильной внешности человека. Широкий прямой лоб, резкие на всем лице морщины, опущенные книзу усы и покатые плечи всей его костистой, обмотанной фуражки выдавали в нем трезвого, уравновешенного практика. Таких людей часто можно встретить среди работников торговых или хозяйственных организаций. Но был это известный в окружке олонхогут Семен Семенович Афанасьев, а по распространенному прозвищу — Сенча. Он приехал из какой-то дальней, глубинной точки всей этой отдаленной и особенной земли.

В тесной комнатке приказчика фактории, окруженному любопытствующими, повели мы к Семену Семеновичем разговор. С самого начала беседы стало ясно, что старик не любит говорить много. Перевод его речи удивлял, казалось, что переводят несравненно больше, чем успел сказать сам говорящий.

Признаюсь, я все еще находилась под гипнозом тех впечатлений, что надвинулись на меня, едва я оторвалась от берегов Лены, наследных обычных русских деревнями, и вошел в вилюйскую дремучую глуши Якутии. Едва я опять уходила в наследную глубь, мне мигом начинала казаться неведомым необикновенным и чуть ли не загадочным...

Всем этим и в Сенче-олонхогуте — пусть он и председатель совета — я был настроен встретиться с седой традицией былинного слова.

Своим олонхо я получила от отца, — я иначе на мое поводу, — говорил Сенча, — олонхо передается от отца к сыну, олонхогут был мой отец, олонхогут стал и я.

Когда я попыталась более подробно выяснить эту премиальность, он вдруг непримиримо как-то ответил:

— Мы, олонхогуты, не шаманы. Это у тех не по наследству, а вроде как по болезни какой.

— Только до старые олонхогуты скаживаются, Сенча, или счищаются и своим словом оступившись, случайно спросила я.

— Сочиня! — заметно ожидалась и как-то знающе усмехнулся старик. — Из жизни своего района сочиняя, да помните у меня уж обмылись люди.

— Почему обмыкались? — удивился я такому ответу.

Недоумение мои были рассеяны: Сенча — сатирик, наделенный драматизмом даже в образах деревьев и птиц создавать людей.

— Сам я сложил три олонхо, — говорил он, — первое — про то, как меня угнетали при царизме.

Простой бедняк я был.

Второе — тоже из старой жизни бедного якута — о том, как его жена рожала в алассе² во время письма.

Альбома его статью в «Прайде» в 1932 г.). Много раз подчеркивал ГОРЬКИЙ и воспитательную роль фольклора. Так, совсем недавно, в статье о детской литературе он вновь настаивал на издании ряда книг по фольклору для юношества...

Из рассказов и рассказов Сенчи постепенно узнал, что больше сорока лет поет он своим олонхо, но только после революции, уже сопоставившись с факторией, альбомами, научными учреждениями и т. д.

Сенча — сатирик, наделенный драматизмом даже в образах деревьев и птиц создавать людей.

— Сам я сложил три олонхо, — говорил он, — первое — про то, как меня угнетали при царизме.

Простой бедняк я был.

Второе — тоже из старой жизни бедного якута — о том, как его жена рожала в алассе² во время письма.

Альбома его статью в «Прайде» в 1932 г.). Много раз подчеркивал ГОРЬКИЙ и воспитательную роль фольклора. Так, совсем недавно, в статье о детской литературе он вновь настаивал на издании ряда книг по фольклору для юношества...

Из рассказов и рассказов Сенчи постепенно узнал, что больше сорока лет поет он своим олонхо, но только после революции, уже сопоставившись с факторией, альбомами, научными учреждениями и т. д.

Сенча — сатирик, наделенный драматизмом даже в образах деревьев и птиц создавать людей.

— Сам я сложил три олонхо, — говорил он, — первое — про то, как меня угнетали при царизме.

Простой бедняк я был.

Второе — тоже из старой жизни бедного якута — о том, как его жена рожала в алассе² во время письма.

Альбома его статью в «Прайде» в 1932 г.). Много раз подчеркивал ГОРЬКИЙ и воспитательную роль фольклора. Так, совсем недавно, в статье о детской литературе он вновь настаивал на издании ряда книг по фольклору для юношества...

Из рассказов и рассказов Сенчи постепенно узнал, что больше сорока лет поет он своим олонхо, но только после революции, уже сопоставившись с факторией, альбомами, научными учреждениями и т. д.

Сенча — сатирик, наделенный драматизмом даже в образах деревьев и птиц создавать людей.

— Сам я сложил три олонхо, — говорил он, — первое — про то, как меня угнетали при царизме.

Простой бедняк я был.

Второе — тоже из старой жизни бедного якута — о том, как его жена рожала в алассе² во время письма.

Альбома его статью в «Прайде» в 1932 г.). Много раз подчеркивал ГОРЬКИЙ и воспитательную роль фольклора. Так, совсем недавно, в статье о детской литературе он вновь настаивал на издании ряда книг по фольклору для юношества...

Из рассказов и рассказов Сенчи постепенно узнал, что больше сорока лет поет он своим олонхо, но только после революции, уже сопоставившись с факторией, альбомами, научными учреждениями и т. д.

Сенча — сатирик, наделенный драматизмом даже в образах деревьев и птиц создавать людей.

— Сам я сложил три олонхо, — говорил он, — первое — про то, как меня угнетали при царизме.

Простой бедняк я был.

Второе — тоже из старой жизни бедного якута — о том, как его жена рожала в алассе² во время письма.

Альбома его статью в «Прайде» в 1932 г.). Много раз подчеркивал ГОРЬКИЙ и воспитательную роль фольклора. Так, совсем недавно, в статье о детской литературе он вновь настаивал на издании ряда книг по фольклору для юношества...

Из рассказов и рассказов Сенчи постепенно узнал, что больше сорока лет поет он своим олонхо, но только после революции, уже сопоставившись с факторией, альбомами, научными учреждениями и т. д.

Сенча — сатирик, наделенный драматизмом даже в образах деревьев и птиц создавать людей.

— Сам я сложил три олонхо, — говорил он, — первое — про то, как меня угнетали при царизме.

Простой бедняк я был.

Второе — тоже из старой жизни бедного якута — о том, как его жена рожала в алассе² во время письма.

Альбома его статью в «Прайде» в 1932 г.). Много раз подчеркивал ГОРЬКИЙ и воспитательную роль фольклора. Так, совсем недавно, в статье о детской литературе он вновь настаивал на издании ряда книг по фольклору для юношества...

Из рассказов и рассказов Сенчи постепенно узнал, что больше сорока лет поет он своим олонхо, но только после революции, уже сопоставившись с факторией, альбомами, научными учреждениями и т. д.

Сенча — сатирик, наделенный драматизмом даже в образах деревьев и птиц создавать людей.

— Сам я сложил три олонхо, — говорил он, — первое — про то, как меня угнетали при царизме.

Простой бедняк я был.

Второе — тоже из старой жизни бедного якута — о том, как его жена рожала в алассе² во время письма.

Альбома его статью в «Прайде» в 1932 г.). Много раз подчеркивал ГОРЬКИЙ и воспитательную роль фольклора. Так, совсем недавно, в статье о детской литературе он вновь настаивал на издании ряда книг по фольклору для юношества...

Из рассказов и рассказов Сенчи постепенно узнал, что больше сорока лет поет он своим олонхо, но только после революции, уже сопоставившись с факторией, альбомами, научными учреждения

